

ГЕТТО ЖИТОМИР

9 июля 1941 года немцы заняли Житомир. Сразу же было организовано гетто. Оно расположилось в центре города и было обнесено колючей проволокой. Вначале можно было выходить из гетто свободно, но затем стали выпускать все реже.

Начались расстрелы.

В гетто находилось около 35 тысяч человек.

Было принято решение всех уничтожить.

Уничтожали поблизости от хутора Довжик. Детей бросали живыми в яму, раненых бросали вместе с убитыми. Там было убито около 20 тысяч человек.

Земля еще долго шевелилась после расстрела.

Освободили Житомир 31 декабря 1943 года.

Грипс Леонид

Как кошмарный сон, я долгие годы силой воли отгонял от себя воспоминания, связанные с первыми месяцами войны и теми ужасами, свидетелем которых мне пришлось быть и которые пришлось перенести. Но коль написаны первые строчки, то надо попытаться довести все до конца.

Родился я в Житомире 5 ноября 1936 г. Моя мама, Грипс (девичья фамилия Каменир) Татьяна (по рождению наречена Гитля) Абрамовна (Аврумовна), родилась в Житомире 15 ноября 1913 г. в семье столяра-краснодеревщика Каменира Аврума Ароновича, коренного житомирянина. Мой папа, Грипс Григорий (Герш) Абрамович, родился в местечке Троянов (20 км от Житомира) 15 июня 1907 г. в простой рабочей еврейской семье, где был 14-м, самым младшим ребенком. Мои родители поженились в феврале 1936 г. и жили в одной квартире с родителями моей мамы на ул.К.Маркса, 58. Это маленький домик, бывший флигель особняка генерала царской армии Минченко. Соседями моих родителей в близлежащих домах были люди разных национальностей. Все жили очень дружно и уважали моего деда, человека на-

божного, умевшего свободно говорить на нескольких европейских языках и знавшего нравы и обычаи людей других вероисповеданий. С детьми соседей, своими ровесниками, мама моя была в прекрасных отношениях. В 1941 году папа работал начальником цеха авторемонтного завода, мама — в одной из организаций города бухгалтером.

23 июня 1941 г. мой отец ушел добровольцем на фронт с уверенностью в скорой победе, а мама со мной и больной бабушкой осталась дома. Обстоятельства сложились так, в основном из-за болезни бабушки, что эвакуироваться мы не успели.

9 июля 1941 г. немцы уже были в Житомире. Как и что происходило после вступления фашистов в город, всем хорошо известно. Бабушка, мама и я были взяты на учет, и нам было приказано переселиться в гетто. Оно было организовано в центре города, сразу же обнесено колючей проволокой. Днем можно было почти свободно уходить в город (но с повязкой на рукаве) за вещами, едой, так как распространялись слухи, что всех евреев будут отправлять с вокзала поездом в Одессу, а оттуда — в Палестину. Все это было представлено, как наше спасение, так как, по слухам, украинцы были намерены перебить всех евреев. Наши соседи настаивали, чтобы мама и я туда не ходили, а жили дома и ждали, что будет дальше. Но мама все время ходила за проволоку со мной — там осталась наша не ходячая бабушка.

Через несколько недель евреев из гетто стали выпускать все реже. В это время уже было выбрано место для расстрелов, и те евреи, которые копали за городом на Богунию (так называлось предместье) рвы для могил, первыми были там убиты.

И вот наступил день, когда было принято решение убить тысячи и тысячи евреев. Мы уже голодали, пожилые люди умирали, уже полицаи били людей в гетто «просто так», уже начали грабить, издеваться над людьми — они уже знали, что наша судьба решена, и мы приговорены. Были повешены невинные. Мама не разрешала мне смотреть на синие ноги и вывалившиеся языки повешенных.

Но много людей из-за проволоки кидали в гетто еду, хлеб, искали знакомых. В тот день, когда людей повели на расстрел, я с мамой были вне гетто. Ей удалось упросить полиция выпустить нас в город за якобы спрятанным дома золотом, а на самом деле она шла искать у знакомых лекарство для бабушки. Когда мы возвращались в гетто, навстречу нам бежали две девочки 12-14 лет. Им удалось убежать из колонны идущих на убой евреев и затеряться в толпе людей, стоящих на тротуаре. Они были в изодранных платьях, с окровавленными лицами. В руках у одной из них был клочок волос, а голова вся в крови. Мама побежала со мной, искала мою бабушку, но найти ее мы уже не смогли. Людей, способных двигаться, немцы строили в колонны и вели за город, а немощных, больных, старых бросали в машины и увозили. Когда мы пришли на Богунию, почти стемнело. От центра города до места расстрела — 6-7 км. Вся дорога была под охраной немцев и полицаев. Задолго до подхода к лесу слышались непрерывные выстрелы. Когда нас с мамой завели в лес, сразу же стало ясно, что нас ожидает. За малейшее сопротивление или неповиновение расстреливали тут же.

Мы подходили ко рвам, ожидая очереди, когда нас подведут к месту расстрела. Мама посадила меня к себе на спину. Потом она неоднократно объясняла мне, что сделала это для того, чтобы, если убьют меня, то и ей жить не надо, а если ее, а не меня, то чтобы я не мучился один. Место расстрела освещали фарами автомобилей. Когда вокруг нас стали падать убитые, мама со мной, живая, прыгнула в могилу и придавила меня своим телом, чтобы я не кричал (мою ногу зацепила пуля, шрам остался до сих пор). На нас падали расстрелянные. Когда всё или почти всё закончилось, нас присыпали землей. Стало тихо, никто не стрелял и не кричал, но стоял стон — умирали раненые.

Мама, физически очень сильная женщина, выбралась со мной из могилы, и мы уползли из леса в поле. Весь день мы пролежали в кустах в болоте, слышали, как немцы и полицаи «работали» в лесу, продолжая расстреливать людей. Ночью мы пошли в местечко Троянов, на папину родину — надеялись, что там можно будет спрятаться. Шли две ночи, а день провели в кустах. В Троянове живых евреев уже не было — все они, мертвые, лежали в могиле на окраине. Люди дали маме для меня немного еды и посоветовали, как можно скорее добираться до Житомира, где, им казалось, легче спрятаться.

Через день мы под вечер (уже был введен комендантский час) пришли к нашим соседям. Наши дома стояли недалеко от церквушки, в так называемом монастырском саду, рядом с глубокими оврагами, поросшими кустарниками, и кладбищем. Соседи — Майеры А.И. и В.И. — не поверили, что мы живы. Приказом фашистских властей, лица, скрывавшие у себя командиров Красной Армии, политработников и евреев, подлежали расстрелу или повешению. Соседи наши хорошо об этом знали и, тем не менее, приняли нас, накормили, помыли, привели в порядок мою раненую ногу и спрятали нас на чердаке. Анастасия Ивановна с мужем очень боялись, чтобы о нашем спасении не узнала Минченко, но другим соседям — Пилецким — рассказали о нас. Майеры прятали у себя дома партизан и еще одного еврея, Киршона, но об этом я узнал уже после войны.

Это были страшные дни. Мы жили то на чердаке у Пилецких, то в подвале у Анастасии Ивановны, то проводили целые дни в курятниках и в овраге. Там было много курятников и крольчатников. Дни шли, Красная Армия отступала на восток, — все опаснее для наших соседей становилось прятать нас, да и с продуктами становилось все напряженнее. И вот, когда немцы заняли Киев, соседи приняли решение, что мы должны уходить, догонять фронт. Нашли мамину подругу Аллу Шварц. Отец у нее был немец, мать украинка, муж — военврач, с которым она разошлась до войны. Очень красивая женщина и близкий маме человек. Она была знакома с людьми, которые смогли подделать мамин паспорт — в паспорте 1-ЯЗ № 50429 вместо «Грипс Гитля Аврумовна» было написано «Грепсунова Нина Андреевна», о чем у нас хранится справка НКВД от января 1942 года (об изъятии поддельного паспорта у мамы). Паспорт был подделан мастерски, так как при неоднократных проверках и немцами, и полицаями он не вызывал ни малейшего подозрения.

Оставалась еще одна проблема, но и она была решена умными людьми. В младенчестве дедушка и бабушка без спроса отца, но при молчаливом его согласии (он был сочувствующим ВКП(б), и его затем еще принимали в ряды ВКП(б), сделали мне то, что делают родившимся еврейским мальчикам... И чтобы скрыть мою принадлежность к племени иудейскому, переодели меня девочкой и заставляли оправляться, как девочку. Молитву «Отче наш...» знал лучше многих теперешних верующих христиан, волосики были длинные, русые. Я ни разу не вызвал сомнения у окружающих в том, что я девочка, а не мальчик. Малейшая ошибка в моем поведении стоила бы жизни. А «дурная» привычка оправляться (извините за откровенность) вышеназванным способом преследовала меня до 2-3 класса. С тех времен осталось мне на всю жизнь частое моргание в критических ситуациях (частота моргания соответствовала частоте выстрелов при нашем расстреле) да еще шрам на правой ноге. В дальнейшем при тщательных медицинских осмотрах (в ВВС Советской Армии прослужил около 30 лет) любопытные и внимательные врачи интересовались происхождением шрама и причиной моргания, но все обходилось.

Дали мне имя Алла (в честь Аллы Шварц, организатора подделки маминого паспорта), и мы отправились в путь.

Мама шла пешком, а я то у нее на руках, то «на баранках», иногда тоже пешком. Бывало нас подвозили крестьяне, иногда — полицаи (но мама садилась только в ту подводку, где ехал один человек), даже немцы подвозили. Шли мы проселочными дорогами, как можно дальше от «большаков» — центральных дорог, как можно дальше от мало-мальски крупных населенных пунктов, полностью избегая железнодорожных станций.

Мама прекрасно говорила по-русски и по-украински, но чувство самосохранения заставляло ее строить свою речь так, чтобы в словах не было буквы «р» — боялась, что ее произношение выдаст национальность. Она говорила, что идет «з-попид Киева», а не из «Житомира», что она из «семьи вчителів» и т.п. Очень долго после войны в ее речи не было слов с буквой «р». Мама была необыкновенно умной, наблюдательной, осторожной, проницательной, молниеносно анализирующей любую ситуацию, неприхотливой в быту, физически крепкой, выносливой, терпеливой женщиной. Она никого и ничего не боялась, у нее вызывал улыбку визг взрослого человека, испугавшегося мышки. Ночуя в подвалах, в стогах сена, на полях, уже покрытых снегом, сбрасывая с себя мышь или огромную крысу, она не издавала ни звука — это могло стоить нам жизни. Она безумно любила солнце, даже в преклонном возрасте не пряталась в тень, уж очень замерзала в молодости в подвалах, лесах, землянках, блиндажах, поездах. На всю жизнь сохранила неприязнь к «большой воде», не любила плавать на лодках, судах, что объяснялось одним случаем. Глубокой осенью 1941 г., когда нас перевозили через Днепр, я чуть толкнул ее, глазами показал на высунувшийся из-под тряпок в лодке ствол винтовки. Стало ясно, что перевозчик солдат, неизвестно пока чей, но — солдат, и уже одно это — смертельно опасно. Его на левом берегу ждали 2 или 3 человека, был конец дня, и они очень торопились назад, на пра-

вый берег. Нас отпустили, предварительно о чем-то поговорив между собой и проверив у мамы паспорт. Когда мы остались одни, а они отплыли, мы каждое мгновение ожидали выстрелов в нашу сторону. Но были уже «опытными» и долго не маячили, а сразу — на землю и ползком подальше от воды. А тут вокруг таблички «Achtung! Minen!» — «Внимание, мины!». Вот и уходи быстрее, если берег заминирован, а на дворе — октябрь или ноябрь. Мама — меня к себе поближе, греет своим телом, ветер принимает на себя и думает, как выбраться. «Переночевали» на берегу, а утром по следам тех людей, что уплыли на противоположный берег, дошли до проселочной дороги, а это уже снова жизнь.

Когда нам случалось ночевать в хатах, люди, как правило, что-нибудь давали маме для меня — кто несколько картошек, кусочек сала, кто хлеб, кто печеный буряк. Моим любимым местом для сна было сено в хлеву рядом с коровой. От коровы шло тепло, никто на тебя не смотрит, и можно пошептаться с мамой. А мама в тысячный раз рассказывает, что я должен говорить, что делать в той или иной ситуации.

Я боялся, когда сердобольные люди укладывали нас на печь: если в хату врывались немцы или полицаи, первым делом они лезли смотреть, что делается на чердаке, в погребе, а потом выбрасывали всех с печки, куда сами мостились спать. Всякие были люди — одни и на порог не пускали, другие грозились, что побегут к старосте и скажут, что шатаются чужие. Спасибо им, хоть предупреждали, а были и такие, что пускали, говорили «посидите, отдохните», а сами — за дверь и к полицаям. Мама, как правило, заходила в село в густые сумерки и просилась на ночлег в крайние хаты, на околице села и непременно ближе к лесу, роще, чтобы, чуть что, можно было уйти. Как только мы определяли, что кто-то, таясь, выходит из хаты, мама немедленно собиралась отвести меня на минуту в туалет, и мы — бегом в поле, в лес, подальше от этой хаты, от этого села.

Гораздо больше было добрых, милосердных, порядочных людей, и это нам очень помогало. Встречались люди, которые были готовы оставить нас у себя, у них мы набирались сил день, самое большее два, и — дальше на восток. Ни мама, ни я в то время ни разу не болели (это уже потом, когда я был в 4-5 классах, у меня так болели суставы ног, что я не мог ходить, встать со стула и излечился, лишь когда меня папа два года подряд возил в Одессу на грязи). В дороге мама хоть кусочком хлеба, но кормила меня три раза в день. Водичку из лужицы или болотца для меня испить в то время было нормальным явлением, главное — не взболтать, чтобы грязь не поднялась, и я научился делать это безукоризненно. Немцы травили колодцы, и пить из них было опасно.

Было много жутких явлений, но самыми страшными для меня были повешенные, разложившиеся трупы коров, лошадей и объявления, что разыскиваются «юды» — евреи. А голод, холод, грязь переносились, как должное. Не спать ночь в лесочке или копне, в сгоревшем советском танке и слушать, слушать, слушать малейший шорох — это было нормальным явлением.

Рассвет мы, как правило, встречали в пути. Немцы не обращали внимания на одинокую бедно одетую женщину с девочкой на руках. Опасность представляли

полицай. Они в любом чужом человеке искали источник наживы. Но мама вела себя мудро. Она изучила их повадки и не давала повода для ненужных расспросов, заранее выдавая информацию.

Страшный случай произошел на перекрестке дорог. Лил жуткий дождь. Было много машин, немцев и полиции. Они отлавливали сбежавших военнопленных и тех, кого находили, расстреливали тут же на месте. Гора трупов была очень большой. «Работали» полицейские, а немцы сидели в кузовах машин под брезентом. И вот, когда полицейский проверял мамин паспорт, капля с капюшона его плаща попала на паспорт в то место, где была написана фамилия. Он сложил паспорт, отдал его маме, нас пожалели, посадили в машину к немцам и повезли, доехали до очередного села, и я стал проситься в туалет. Нас высадили, машина ушла — слишком долго я сидел из-за «болезни» живота. А когда мама посмотрела паспорт — ужаснулась. Фамилия была размазана. Паспорт больше у мамы не проверяли.

Первый раз в жизни я увидел, что мама заплакала, когда мы очень четко слышали грохот орудий и поняли, что подошли к линии фронта. Гражданских людей почти не было, еды тоже не было, а военных очень много, днем спали в пустых хатах, а ночью мама двигалась все ближе к фронту.

Это позже, через десятки лет, я, будучи уже кадровым офицером и немало повидав в жизни, понял, каким самообладанием, мужеством, умом нужно было обладать, чтобы пережить лишения наших странствий, потеряв мать, выйдя из могилы живой, найти единственно верный путь через две линии фронта, через минные поля, через проволочные заграждения, найти тропинку к спасению, к жизни.

Наш путь был на Бердичев, Белую Церковь, Кременчуг, где «форсировали Днепр», на Харьков. В районе Харькова мама догнала фронт, а линию фронта переползла со мной в районе железнодорожной станции Валуйки, где наши приняли ее за фашистского лазутчика-разведчика и хотели расстрелять. Лишь когда мама показала, что я мальчик, а не девочка, чуть-чуть сжалились, но долго меня допрашивали, отдельно от мамы, действительно ли это моя мама или чужая тетя. Ей не поверили советские контрразведчики, тянули ее на передовую, чтобы она показала, как прошла. По ее рассказу разведчики ходили в тыл к немцам, вернулись, и лишь тогда ее со мной отправили в Воронеж на эвакуационный пункт.

Дальше — почти все буднично. Не успели мы добраться до Воронежа, как немцы разгромили наши войска под Харьковом и подошли к Воронежу. Мама не стала долго ждать и в теплушках, в пустых вагонах добралась со мной в Астрахань. А там — тиф, дизентерия, горы трупов на пересыльных пунктах. Мама бежала оттуда со мной в Немчеповолжье. Там ее, оборванную, полуживую, на почте, куда мама зашла отправить письмо в Бугуруслан для розысков папы, встретил военный и узнал в ней жену своего двоюродного брата. Грайпель, мой дядя Гриша, видел маму один раз в жизни в 1938–1939 гг., когда был на родине, в Троянове, в отпуске и гостил у моих родителей. Он был офицером ВВС. Через Бугуруслан нам удалось найти на фронте моего отца.

**Леонид Грипс с мамой Татьяной
Абрамовной.**

**Отец — Грипс
Григорий Абрамович.**

Мы снова оказались в прифронтовой полосе. Жили в семье моего дяди. Он, его жена Роза, двое их детей жили в землянке. Дядя служил в летном училище, которое когда-то находилось в глубоком тылу, а теперь стало прифронтовой зоной. Военная часть, где мама работала вольнонаемной, как я узнал из ответа на свой запрос в 1985 г., была в списке частей, находившихся в то время в полосе боевых действий, и мама получила удостоверение участника Великой Отечественной войны и много наград. Отец прибыл на неделю в отпуск, и дядя, пользуясь своим положением, определил его в свою часть. Но папа сказал, что если он пережил кошмар первого года войны, то разделит до конца судьбу своих фронтовых товарищей.

Он вернулся домой в ноябре 1945 г. живым и здоровым, а погиб нелепо в 1973 г., в марте, сбитый пьяным водителем. Маму мы похоронили 6 ноября 1994 г. Она не дожила 9 дней до 81 года. Оба похоронены в Житомире. Папа — на еврейском кладбище, мама — на «Дружбе». Они в мире и согласии прожили совместную жизнь, никогда громко не рассказывали о прожитых жутких годах войны, но очень уважали друг в друге мужество и стойкость, верность и преданность.

В 1944 г. мы вернулись в Житомир, и там я закончил 10 классов, военно-морское авиационное училище. Мой курсовой командир — добрейший человек — рекомендовал мне в личном деле записать национальность «русский». Я на это не пошел и не жалею до сего дня: хотя пятый пункт мне стоил очень много в моей офицерской карьере, но совестью я не поступился.

Нас спасали благородные люди, рисковавшие ежеминутно своей жизнью. Они делали это не из-за материальной выгоды, а по велению совести. Мы дружно жили и после войны, помогая друг другу. Их уже нет в живых. Живы их потомки.

Малолетние узники концлагеря

Л.Грипс и его друзья: М.Кантария, водрузивший Знамя Победы над Рейхстагом, и Ю.Автандилов.

כל המקיים נפש אחת

כאילו קיים שלום בגא

תעודת כבוד

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Сим утверждается, что на заседании комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, созданной при национальном институте памяти катастрофы и героизма Яд-Вашем, от 13-IX-1998на основе представленных свидетельств решено удостоить

וזאת לתעודה שבישיבתה יום כב אלול תשנ"ח החליטה הועדה לציון חסידי אומות העולם שליד רשות החוקר וועם על יסוד עדויות שהובאו לפניה, לתת כבוד ויקר ל

Василия и Анастасию Мейер

ואנסטסיה מיייר

которые в годы фашистской оккупации рисковали своей жизнью ради спасения преследуемых евреев, звание Праведников мира и наградить медалью Праведника Народов мира. Их имена будут высечены на Стене почета в Аллее праведников Яд-Вашем.

על אשר בשנות השואה באירופה עזמו נפשם בכפם להצלת יתרים נרדפים בידי רודפיהם, להעניק להם את העדליה לחסידי אומות העולם. שמים יונצח לעד על לוח כבוד בגן חסידי אומות העולם ביד ושם.

Иерусалим, Израиль
11 · XI · 1998

נתן היום בירושלים
כב חמשון תשנ"ח

Amos Shalev
בשם רשות הוועדה הישראלית
OF MEMORIAL INSTITUTES AD VA SHEM

[Signature]
בשם הועדה לציין חסידי אומות העולם
OF MEMORIAL INSTITUTES AD VA SHEM

